

Мир, конечно же, дисгармоничен. Хотя бы потому, что в нем существуют юбилеи. Очевидно, что в ряду «знаменательных дат» 90-летие Георгия Свиридова занимает исключительное место. В XX веке композиторов, сопоставимых со Свиридовым по масштабу — единицы. Как музыкант, мыслитель, как личность он настолько значителен, настолько значим для людей, что помнить о нем, общаться с ним через его наследие необходимо всегда. В сравнении с этой настоятельной необходимостью более-менее круглая дата значит не так много.

Свиридов — музыкальный интеллект высшего полета, притом его мелодии знает любой человек, от президента до бомжа, в пределах огромной страны. Он оказал радикальное воздействие на самые сокровенные тенденции мировой культуры, и его произведения стали государственными эмблемами. Однако «огласка» 90-летия человека, чье творчество является гордостью страны, так сказать, культурным приоритетом России, — минимальна. Совсем недавно я наблюдал следующую сцену. Провинциальный клуб подростков-металлистов (числом около 20-ти), заслуженная учительница Российской Федерации и подполковник внутренних войск пришли к согласию в жизненных принципах: их объединило обожание музыки Свиридова к кинофильму «Метель». Между тем выяснилось, что никто из участников сцены не знал о юбилее мастера, и лишь заслуженная учительница знала о том, что Георгий Васильевич умер.

И все-таки мир гармоничен. В XX столетии, когда магистральная трасса искусства трагически распалась на незначительные, малые тропки, Георгий Свиридов нашел средство к их воссоединению. В наши дни дистанция между высокими (академическими) жанрами и искусством массовым слишком велика. Именно Свиридов не только стал не по обеим сторонам этого разрыва, но и соединил его края, беспрепятственно осыпаящиеся в бездну. Он сказал людям: есть творчество, есть творческий дух, общий для всех — от изощренных эстетов до людей, не причастных впрямую к искусству с его витиеватыми проблемами. Можно сколько угодно погружаться в частности художественного языка, «искать» в сфере средств выражения. Но есть фундаментальные формы музыкальной речи — выразить в этих формах нечто новое, общезначимое может только исключительная личность.

Когда назревала перестройка, представители дробных «авангардных» течений весьма бойко разносили представление о Свиридове как о консерваторе, «упертом традиционалисте». Такое мнение по меньшей мере забавно. Самая передовая тенденция в музыке была схвачена (а может, и спровоцирована) Свиридовым еще в 50-е годы.

Условно ее можно обозначить как минималистическую. Растеклась она по свету в многообразных формах, доброкачественность ее воплощений крайне вариабельна. Но в источнике своем — в творчестве Свиридова — она означала концентрацию максимума красоты, мысли и содержания в минимуме звуков. Созидалась особая, монументальная форма музыкального высказывания, в которой все средства скупы, но не в силу скудости, а в силу напряженного отбора. Свиридов, беря главные формулы как от классической музыки, так и от народного искусства, умел вдохнуть в них новую жизнь, небывалое доселе содержание. То есть действовал на высшем пределе творческого напряжения: когда самые общие, роднящие всех людей музыкальные «слова», наполненные свежей сердечной кровью, с новой интенсивностью излучают в мир свой возвышенный смысл.

И этот свиридовский минимализм — или, точнее, максимализм — равно понятен людям независимо от степени их эстетических притязаний. Георгий Васильевич говорит в своих дневниках о том, что «размежевание в искусстве проходит не по линии так называемых средств выражения, но по линии духовно-нравственной». Сейчас наступает то время, когда «средствами выражения» никого не удивишь, их поиски окончательно девальвировались — и на первый план выступает имматериальная сторона творчества, его суть.

Мир гармоничен еще и потому, что независимо от санкции с той или иной стороны люди любят и помнят своих учителей, друзей, вдохновителей. Грандиозный Свиридовский фестиваль, открывшийся в сентябре в Курске — на родине композитора, охвативший множество городов (от столиц до Петропавловска-Камчатского), в культурной практике России беспрецедентен. Решающая роль в его организации принадлежит Свиридовскому институту (во главе с музыковедом Александром Белоненко). Но исключительная отзывчивость музыкантов и слушателей, сопровождающая фестиваль по всей стране, говорит о том, что усилия организаторов — лишь исходный, направляющий разряд в энергетической сфере, которая окружает наследие мастера.

Ряд работ Владислава Чернушенко, исполнившего (во главе хора и оркестра петербургской Капеллы) практически все наиболее фундаментальные произведения Свиридова — чудо фестиваля. Кантата памяти Сергея Есенина, «Курские песни», музыка к «Метели», другие сочинения звучали в его интерпретации и осенью в Курске, и затем в Петербурге. Жаль, что немногие люди имели возможность услышать обе — курскую и петербургскую — версии. Чернушенко, непрерывно вслушиваясь, вживаясь в музыкальные тексты,

ощущает их внутреннюю жизнь, их пульс и дыхание. Шедевры действительно живут и развиваются, таинственным образом они меняются, подобно живым организмам.

Но, в отличие от последних, никогда не стареют. И в том, как Чернушенко дает могучий разворот музыкального целого, всегда находя в нем новые решения, новые частности, слышно вдохновенное созвучие этой таинственной, нестареющей жизни. Всего поразительнее в его прочтении были «Песнопения и молитвы» — музыкальное завещание Свиридова. Хор, многообразно распланированный, наполненный интонациями сокровенной боли, любви, мужества, звучал как единый сверхчеловеческий — но человеческий — голос.

Не менее прекрасно, что люди разных возрастов (включая молодежь) плакали на открытии памятника Свиридову в Курске. Одухотворенность слушательских лиц как на курских, так и на петербургских концертах, общий восторг, не имеющий ничего общего с меломанским ажиотажем, в особенности отрядны для музыканта, привыкшего к дежурным рукоплесканиям на «лауреатских» акциях. Здорово, что есть такие люди, как художественный руководитель курской части фестиваля Леонид Марченко, чей труд нельзя оценить иначе как жертвенный.

В Курском крае есть немало замечательных людей, которые могут и должны консолидироваться вокруг наследия Свиридова, вокруг его памяти. В этой земле — святynie, первоначально важные для русской духовности, и рядом с ними творчество Свиридова — святynie художественная. Увидеть родные места Георгия Васильевича — значит многое понять в его искусстве. Земля, в которой заключено столько силы, просторы, которые несуетно суровы, но преисполнены доброты и благосклонности как к своим обитателям, так и к путнику, слышны сквозь созданные им

песнопения, воочью видны в страницах его партитур. Вместе с тем, сам Свиридов ощутимо присутствует на этой земле.

Отрадно, приехав в Фатеж, в родной город композитора, увидеть там его музей — в том доме, где он провел годы детства. Директор музея Раиса Гущина делает большое дело, стремясь превратить дом Свиридова в край, откуда он вышел в мир, в центр сохранения и пропаганды произведений и идей мастера. И, думается, чем интенсивнее, чем насыщеннее будет жизнь музея, чем более она привлечет к себе людей со всей страны — тем лучше для культуры России. Такой очаг необходим — как необходимо пушкинское Михайловское или дом Римского-Корсакова в Тихвине.

Пение фольклорного ансамбля «Ростань» из Суджанского музыкального училища под руководством Валентины Савенко вызывает чувства, родственные тем, какие возникают при виде курской земли. Когда слышишь мелодии, положенные Свиридовым в основу «Курских песен», в той манере, в какой пели их предки композитора, испытываешь большое волнение. Участники ансамбля — превосходные профессионалы, но притом они тесно связаны со своей землей, поют песни, не собранные ими в краях, куда занесло «экспедиционное задание», но те, с которыми они выросли, которые сопродыны им по крови и духу. При мысленном наложении курских напевов на шедевр Свиридова в сознании возникает перспектива, картина пути, который связывает исконное творчество народа с вершинами академической культуры.

И еще: в мире отраднее жить оттого, что в нем есть памятник Свиридову. Отметим, Свиридов — первый из великих композиторов современной России, кому был открыт памятник. Это справедливо.

Роман Рудица
 (Санкт-Петербург)

11-310306
 (март)
 Свиридов Г. В.
 (наибольший
 талант)